
ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС В XXI В.: БРАЗИЛЬСКИЙ ВГЛЯД

Коста Лазота Лукас Агусто

Кафедра гражданского и трудового права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье на примере Гражданского кодекса Бразилии 2002 г. анализируются аргументы в пользу гражданской кодификации, выдвигаемые в условиях переживаемого юридической наукой эпистемологического кризиса. Кодекс отражает концепции, выработанные научной доктриной и судебной практикой, нацеленные на преодоление научного формализма, принятие институциональных принципов и принципов формирования законодательства. Рассматривается также перемена этической парадигмы основ гражданского кодекса

Ключевые слова: гражданское право, кодификация, принципы права, Бразилия.

XIX в. нередко называют эрой кодификаций ввиду того, что именно в этом веке появились на свет самые, пожалуй, совершенные в ряду известных гражданских кодификаций, действующих до настоящего времени. Это Французский гражданский кодекс 1804 г. и Германское гражданское уложение 1896 г. В Бразилии А. Тейшейра де Фрейтас выполнил два кодификационных проекта — Консолидацию гражданских законов 1855 г. и «Эскиз» гражданского кодекса 1864 г., которые в Латинской Америке признаны эталонами кодификационного проектирования.

Гражданский кодекс Бразилии 1916 г. считается бразильскими правоведомы выражением победы республиканского духа молодой нации, которая организовала структуру своего государства на основе буржуазно-олигархических идеалов. Точность юридической техники, филологическая безупречность и общая содержательность позволяли этому спроектированному Кловисом Бевиланга кодексу действовать до 2002 г.

Однако к концу XX в. стали появляться серьезные вопросы о будущем гражданской кодификации. Они были вызваны стремительными социальными и глубокими экономическими переменами в стране, побудившими представителей правовой науки к размышлениям о реальной выгодности кодифицированных актов как такого типа, или модели законодательства, которое в силу своей классической статичности теряет место в мире постоянных преобразований. Гражданский кодекс Бразилии 2002 г., проект которого создавался 30 лет, подвергался острой критике, звучавшей из разных сфер бразильского общества.

Но именно в эти годы происходило созревание в доктрине и судебной практике догматических концепций, касающихся, в частности, философии пра-

ва и эпистемологии гражданского права, которые находили целесообразным принятие кодексов, утверждающих консолидированные ценности, которые содействуют поддержанию стабильности правового регулирования и точности правового мышления в эпоху, знаменуемую кризисными явлениями в науке и культуре [19. С. 25].

Цель настоящей статьи — подчеркнуть аргументы в пользу гражданской кодификации в XXI в. на примере бразильского Гражданского кодекса 2002 г. Ее достижение требует рассмотрения причин кризиса «эпохи модерна», сказавшихся на идеях юридического позитивизма, а также причин возникновения постпозитивистских альтернатив в сфере правовой телеологии и релятивизма научного формализма.

Автор обращает внимание на то, что идеи социального государства, выдвинутые по итогам критического пересмотра либерально-индивидуалистической парадигмы предыдущего правопорядка, содействовали появлению в Бразилии концепции декодификации права. Эта концепция исходит из утверждения о разрыве целостности в системе гражданского права, вызываемого массовым принятием реформистских законов, которыми оказались созданными несколько правовых микросистем, стирающих классические представления о границах между публичным и частным правом.

Комплекс этих микросистем поставил сложные задачи перед цивилистикой. Приходило постепенное понимание того, что их решение на основе восстанавливающей целостности кодификации можно найти лишь на основе новых философско-правовых императивов. Научная доктрина стала искать путь к сохранению центральной роли кодекса в системе источников гражданского права на путях «теории центрального кодекса». Была выдвинута идея системно раскрыть кодекс, сосредоточив в нем общие положения и закрепив ими возможность более энергичного участия судебной практики в творческом процессе толкования и применения конкретных норм. Сторонники сохранения центральной роли кодекса стремились закрепить в нем новую этическую парадигму, основанную на материальной этике ценностей, в качестве главного блага признающей человеческое достоинство. Материальная этика ценностей утверждалась ими в качестве яркого контрапункта формальной этике Иммануила Канта, лежавшей в основе предыдущей кодификации.

Бразильские правоведы под эпохой модерна понимают господство мировоззрения, начало утверждения которого положила Промышленная революция конца XVII в. (1). «Модерн» — это понятие, указывающее на общество, измененное в результате утверждения капиталистического общественного строя, индустриализации, урбанизации, секуляризации и развития государственных институтов. Главная характеристика эпохи — это общепринятая надежда на то, что наука и искусство не только приведут к господству над силами природы, но и усовершенствуют представления о человеке и мире, обеспечат нравственный прогресс, правильность и справедливость социальных институтов и вообще сделают человеческую жизнь счастливой [24. С. 2].

Достижение целей эпохи модерна обеспечивалось теоретически концепциями поддержания равновесия между векторами общественного регулирования и эмансипации [22. С. 77].

Вектор общественного регулирования задавался, во-первых, идеей правового государства, приписываемой главным образом Томасу Гоббсу; во-вторых, идеей рыночной экономики, концептуализированной Джоном Локком; в-третьих, представлениями о сообществе свободных граждан, формирование которого пронизывает всю политическую философию Жан-Жака Руссо. Вектор эмансипации задавался идеей рациональности, конкретизируемой тремя элементами: рациональностью искусства и литературы, рациональностью этики и права, рациональностью науки и техники. Рациональные воззрения на этику и право привели к пониманию права как совокупности объективных норм, которая вместе с вектором общественного регулирования, выраженным правовым государством, создали особенную историческую модель отношений между политической системой и обществом, вершина конструирования которой была достигнута в XIX в.

Эта модель усматривала регламентацию отношений «государство–общество–человек» на основе формальных этических допущений, которые были выдвинуты Иммануилом Кантом и которым было суждено послужить основанием для консолидации либерально-индивидуалистической парадигмы (*laissez faire, laissez passer*).

Как известно, Кант считал, что некое безусловное положение — «категорический императив», обладающее абстрактно-формальным характером, позволяет вывести все моральные принципы и решения по отношению к самым разным социальным условиям и жизненным ситуациям (поступай так, чтобы норма твоего поведения могла быть принята в качестве закона всеми людьми) [14]. В соответствии с этим пониманием право признается совокупностью правовых норм, которая позволяет максимальное сосуществование индивидуальных свобод субъектов права [28. С. 428].

В начале XIX в. в Европе (первоначально в Германии) сложилось научное юридино-философское течение, трактовавшее правовые нормы как результат исторической эволюции, как правила поведения, сущность которых определяется обычаями и убеждениями социальных групп. Приверженцы этого течения, получившего наименование исторической школы права, видели в праве как таковом продукт исторического развития, культурный феномен, порождаемый духом народа. По словам Фридриха Карла фон Савиньи, право «имеет свои истоки в действии молчаливых сил, а не в воле законодателя» [26].

Историческая школа права возникла как негативная реакция на господство школы естественного права «*jusnaturalismo iluminista*», рассматривавшей право как явление вневременное и внепространственное, основу которого составляют рационализм и природа вещей. Историческая школа права стала первым научным течением, которое признало гражданское право самостоятельной (автономной) отраслью правовой науки [29. С. 403].

Одной из целей этой школы стал основанный на логико-научном методе поиск правовой природы институтов права. В период расцвета пандектистики, в

середине XIX в., правоведы начали извлекать новые принципы, концепции и правовые нормы из прежних представлений о целях формирования догматической системы норм.

Именно в этот период возникли такие понятия, как субъективное право, правоотношение, правовая сделка, обязательственное право, договорное право и вещное право.

Уже в конце XIX в., на основе правового позитивизма, стало возможным предложить идею права как закрытую, иерархическую и аксиоматическую концептуальную систему, в которой не существует нормативных пробелов и антиномий. Позитивистский идеал был выражен в его завершенном виде Гансом Кельзеном в начале XX в. Кельзен утверждал, что правовые нормы исходят исключительно из правовой системы, концепций и принципов юриспруденции, безотносительно к объектам, принадлежащим другим областям человеческого знания [29. С. 682].

Тем не менее, программа эпохи модерна провалилась. Дисбаланс между векторами регулирования и эмансипации углубил критику идеалов эпохи модерна [24. С. 8].

После Второй мировой войны произошло изменение парадигмы: произошло то, что Рикардо Соарес назвал «чрезмерным расширением пространства, занимаемого рынком, максимизация научной рациональности». Вектор регулирования и вектор эмансипации утратили прежнее равновесное состояние. Оказалось, что императивы технического прогресса способствовали экономическому росту, но породили социальные проблемы. Рациональность эпохи модерна с ее гуманистическими идеалами (свобода, справедливость, истина и счастье) капитулировала перед требованиями рынка [24. С. 9].

На современном этапе оптимизм, вызывавшийся научными успехами, уступил место скептицизму в отношении способности науки решать великие проблемы человечества.

Современная эпистемология накопила свидетельства того, что научные утверждения являются вероятностными, так как страдают неопределенностью.

В настоящее время даже философия избегает уверенных суждений о явлениях и не спешит излагать общие теории об изучаемых явлениях. Георг Гадамер, например, утверждает, что универсальные концепции философии базируются на идеалистических основах, которые, возможно, никогда не будут осуществлены [9. С. 38–45]. Юрген Хабермас идет еще далее, говоря, что научное знание не может быть абсолютно нейтральным, поскольку за любой формой бескорыстного знания скрываются интересы [11. С. 76–82]. Научные методы исследования испытывают несомненный кризис, вызванный переменой отношения к научной истине. Этот кризис затрагивает и юриспруденцию, особенно в отношении фундаментальных представлений о правовой безопасности, правовых методах регулирования, справедливости. Другими словами, современность отражается на юриспруденции глубокими изменениями представлений о познании, организации и осуществлении юридических установлений.

Возникшая неопределенность в демаркации научных критериев привела к разрушению и фрагментации многих системных концепций в правовой науке. В области гражданского права, по замечанию Франца Виакера, наблюдается релятивизация частных прав под влиянием теории социальной функции, наблюдается консолидация моделей материальной этики ценностей, смягчение формализма классического частного права XIX в. [28. С. 101].

Появление социального государства и последующее укрепление нормативного аппарата социализации права стали фактором релятивизации роли субъективных прав. Социальная функция права нацелена на защиту распределительной справедливости. Тем самым социальная парадигма гражданского права ставит задачу подтверждения, преобразования и осовременивания «*confirmação, transformação e modernização*» экономической и социальной структуры общества в целях содействия материальному равенству граждан [26]. Приватизация общественного пространства и одновременно повышение роли государства в области регулирования гражданского оборота приводят к размыванию классических границ между сферами публичного и частного права [18. С. 223].

В Бразилии регулятивный аппарат социального государства появился в 1937 г., при осуществлении курса по созданию так называемого «*Estado Novo*» (нового государства) [1. С. 87–160]. Этот курс, осуществлявшийся в 1937–1945 гг., сопровождался изданием настолько многочисленных законодательных и нормативных актов, что их совокупность ослабила значение кодифицированных актов до степени, которую стали считать декодифицирующей.

Итальянский правовед Наталино Ирти очень точно заметил по аналогичному поводу, что деформация сложившейся системы частноправовых норм обилием принимаемых правовых актов приводит к образованию в этой системе параллельных друг другу микросистем, регулирующих гражданский оборот. Возникновение социального законодательства, в частности, трудового, экономического, экологического, градостроительного, а также законодательства о защите прав потребителей представляет собой вывод частноправовых норм за пределы гражданского права и ослабление классической идеи герметичной изоляции между публичным и частным правом.

Этот процесс вызвал среди бразильских правоведов дискуссию о том, не свидетельствует ли он о начале декодификации. Дискуссия стала отражением борьбы между занимающими позиции научного формализма и отстаивающими идею системного единства гражданского права.

Поскольку гражданский кодекс не смог обеспечить консолидацию частного права, утверждали сторонники декодификации, то его место — в составе периферийных норм права, а центральное место в регламентации гражданского оборота должна занять конституция [3]. Разработчики проекта нового гражданского кодекса Бразилии учли содержание дискуссии и поставили себе задачей вернуть гражданскому кодексу центральное место в системе частного права, следуя тем самым теории Артура Штейвентера и отказываясь от концепции Ирти Наталино [13. С. 33–36]. Когда работа над проектом была закончена и новый гражданский кодекс был принят в 2002 г., законодательно были закреплены два

важных решения. Во-первых, круг охватываемых кодексом гражданских отношений был признан относительным, что открыло пространство для последующего принятия дополняющих его законов. Во-вторых, судебная власть была наделена возможностью создания правовых моделей на базе применения закрепленных в кодексе общих положений [28. С. 35].

Переход от закрытой модели кодекса 1916 г. к открытой модели кодекса 2002 г. позволил преодолеть нормативную парадигму формальной логики и установить конкретный правовой нормативизм, допускающий использование герменевтических правовых моделей. Именно открытая, постпозитивистская, модель кодификации выражает центральную роль правовых принципов в структурировании цивилистики [25. С. 214].

Современное бразильское правоведение придерживается тезиса о том, что основой функционирования юридических институтов, особенно семьи, собственности, договора выступают институциональные принципы. Они являются элементами позитивного права, регламентирующего деятельность правоприменительных органов [8. С. 17]. Важнейшими институциональными принципами признаны человеческое достоинство (конституция ст. 1, III), социальная ценность труда и свободное предпринимательство (конституция ст. 1, IV), а также социальная функция собственности и социальная функция договора (конституция ст. 5, XXII, XXIII и ГК ст. 421). Такие принципы определяют формирование законодательства, ведя государство к принятию законов и других правовых норм.

Наряду с институциональными принципами важное значение придается принципам информативным. Они не входят в состав позитивного права, но ориентируют законодательные органы на то, чтобы не нарушать единство духа правовой системы в целом «uniformidade do sistema jurídico».

Принципами, составившими основу Гражданского кодекса Бразилии 2002 г., стали принципы этичности, социальности и применимости [19. С. 32–33].

Принцип этичности предполагает, что интеграция правопорядка базируется на этике ценностей в противодействие этике формальной, характерной для кодекса 1916 г. [20]. Это означает, что субъективные права основаны на определенных этических ценностях, прежде всего на достоинстве человеческой личности.

Понятие человеческого достоинства менялось со временем. Если в течение XIX в., например, оно относилось к свободе воли и формальному равенству, то на протяжении XX в. достоинство человеческой личности приближалось к совокупности прав человека (конституция Бразилии, ст. 5, 6) [21. С. 82–87].

На сегодняшний день бразильское правоведение понимает, что человеческое достоинство является аксиологическим эпицентром конституционного строя, который распространяет свое влияние на всю правовую систему и ориентирует не только деятельность государства, но и частные правоотношения, которые складываются в гражданском обороте [23. С. 85–86]. Кроме того, конституируются другие этические ценности: согласно ст. 113 кодекса, юридические действия должны толковаться в соответствии с принципом добросовестности и

обычаями той местности, где они сложились; ст. 187 предусматривает наказание для человека, который нарушает принцип добросовестности, социальные или экономические функции каких-либо институтов, а также обычаи: злоупотребляет правами; ст. 422 определяет, что заключение и исполнение контракта должно основываться на принципе добросовестности.

В свою очередь, принцип применимости означает, что кодекс облегчает толкование и применение норм, существование которых он предусматривает. Тем самым кодекс рассеивает сомнения, вызываемые декларативным характером норм, которые предыдущий кодекс конструировал исключительно средствами юридической техники.

Правильное вписывание норм в социальный контекст осуществляется посредством юридических понятий с открытым перечнем, чтобы судья, анализируя дело, был в состоянии гибко применять норму в различных социально-экономических и культурных условиях, в которых используются различные культурные и социальные ценности. Такая методика позволяет сделать нормы более действенными [10. С. 64].

Цель общих положений — модернизация гражданского кодекса, при которой не издаются новые законы без особой необходимости. Основные общие положения содержат принципы социальной функции договора, собственности и объективной добросовестности [16. С. 131].

В этом контексте судебная практика приобретает исключительную важность в применении права в силу того, что изменения в толковании и применении права осуществляются судьями в конкретных случаях. Это приводит к постоянной модернизации правовой системы, а также к более справедливым решениям спорных вопросов [15. С. 23–40].

Общие положения разделяются на три вида: а) ограничительные, которые ограничивают в определенных ситуациях, субъективные права. Парадигматический пример — это императивы социальной функции договора (ст. 421, 422 и 187 ГК) (2), которые ориентируют деятельность судьи при рассмотрении дел в области договорного права; б) регулятивные, которые дают субсидии судьям казуистично определить гипотезы, не присутствующие в тексте закона (ст. 927) (3); в) экстенсивные, которые расширяют рамки определенного пункта закона, т.е. допускают использование принципов и норм других законов и нормативных актов (Конституция Бразилии, ст. 5, § 2, ГК Бразилии, ст. 1228, § 1) (4).

Принцип социальности является главным плодом идеалов правового социализма. Принятие принципа как элемент формирования законодательства — это действительный разрыв с парадигмой либерального индивидуализма, отражаемого кодификациями начала XIX–XX вв., что подтверждается исследователями, проводившими социологический анализ функции институтов гражданского права. Консолидация социальных императивов в области частноправового регулирования происходит из диалога источников конституционного и гражданского права [17].

Мигель Реале утверждает, что при разработке норм частноправового регулирования законодатель сталкивается с тремя вариантами: либо позволяет

большую либерализацию индивидуальных интересов (как и было во время кодекса 1916 г.), либо предпочитает коллективное право (трудовое законодательство, например), либо принимает промежуточное решение, т.е. сочетает дополнительно индивидуальные и коллективные в законодательной структуре меры, где нормы открытого характера — общие положения — помогают найти более конкретные решения, связанные со социальной реальностью общества [19]. Таким образом, кодекс 2002 г., в отличие от предыдущего кодекса 1916 г., имеет в качестве самой высокой цели не защиту своеволия индивидуумов, а концентрирует внимание на правильной модели поведения человека. Принудительный элемент ограничения субъективных прав проявляется координацией социальных принципов (социальная функция и объективная добросовестность), в рамках теории злоупотребления правом, находящей свою основу в ст. 187 (5).

Еще в рамках принципа социальности следует отметить, что спорные вопросы возникли в период 1990–1997 гг., когда бразильское государство проводило цикл конституционных реформ в экономической сфере с акцентом на программу приватизации государственных предприятий и собственности (6). Реформы, известные как неолиберальные, относились к вопросам об отмирании некоторых ограничений на движение иностранного капитала (конституционные поправки № 6 и 7) и об устранении государственной монополии на эксплуатацию газа, телекоммуникаций и нефтяных месторождений (конституционные поправки № 5, 8 и 9). Однако после экономического кризиса 1998 г. неолиберальные политики стали непопулярными, и с 2003 г. правительство изменило курс макроэкономической политики.

Таким образом, бразильское государство имело либерально-олигархический характер во время первой республики вплоть до 1930 г., пресекая этап социал-либерализма с момента установления социального государства с 1937 г., а сегодня подчиняется системе неолиберализма, которая имеет своей основой конституцию 1988 г. и правовые акты о приватизации 1990–1997 гг.

Социал-либерализм — это разновидность либерализма, выступающая за вмешательство государства в экономические процессы. Модель характеризуется интенсивной деятельностью государства в экономической сфере либо через государственное регулирование либо через государственные предприятия. С другой стороны, неолиберализм не отрицает полностью государственное регулирование экономики, но оставляет его функцию лишь для установления принципов конкуренции и законов свободного рынка [7. С. 4180].

Что касается гражданского права, доктрина настоящего времени исходит из того, что этика социальных ценностей — основа открытой системы гражданского кодекса — осталась нетронутой. Чтобы это было возможно, доктрина и судебная практика осуществляли ответственную и глубокую работу с целью найти конкретные решения на основе элементов интеграции правопорядка, в частности, объективной добросовестности, справедливости, социальной функции субъективных прав. В качестве примера в последние годы Национальный совет юстиции (7) издает сборник практическо-доктринального характера под названием «Материалы семинаров гражданского права» («Enunciados das

Jornadas de Direito Civil»), с целью ориентировать судебную практику при рассмотрении спорных вопросов о нормах кодекса, особенно в сфере толкования общих положений [2].

В заключение необходимо сказать, что гражданская кодификация достойна бытия в эру постмодерна.

Если принять мысли Франца Виакера [29. С. 722] в качестве критерия, заметим, что гражданский кодекс удовлетворительно отвечает требованиям правовой науки. Виакер правильно утверждает, что задачей цивилистики является обеспечение правотворчеством правового сознания, в полной мере восприимчивого к социальной реальности, разработку надежной методологии, соответствующей мышлению своей эпохи.

Следовательно, во-первых, кодекс является оплотом защиты догматики гражданского права, которая подтверждает ценности именно во времена сомнений и эпистемологического кризиса в юриспруденции. Во-вторых, открытая система кодекса позволяет основывать его нормы на концепциях материальной этики, которая видит главным благом человеческое достоинство, а также применяет правовые инструменты с целью достижения более справедливых и конкретных судебных решений. В-третьих, кодекс служит артикулятором между системами частного и публичного права, предупреждающим деформацию духовных связей в частном правопорядке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В ибероамериканской литературе можно встретить суждения, согласно которым эпоха модерна охватывается иными временными рамками, например, от падения Византии до Французской революции XVIII в. Временным параметрам эпохи модерна примерно соответствует период, который в российской исторической литературе известен как «раннее новое время». Утвердившееся в научном обиходе понятие «эпохи модерна», как и понятие «новое время», остается во многом условным, ведь для разных народов этот период наступал в разное время. Не вызывает сомнений лишь то, что именно в обозначаемый этими понятиями период происходило возникновение новой системы отношений, становление и экспансия европейской цивилизации в другие районы мира [1].
- (2) Статья 421. Свобода договора осуществляется в рамках социальной функции договора; ст. 422. Стороны договора обязаны соблюдать при заключении и исполнении договора принципы справедливости и добросовестности; ст. 187. Владелец субъективных прав совершает противоправные действия, если они явно выходят за их пределы, установленные экономической или социальной функциями, а также добросовестностью и нравственностью (перев. авт.).
- (3) Статья 927. Существует обязанность возместить ущерб независимо от вины, в специфических случаях закона, или когда обычная деятельность автора причиненного ущерба, по своей сути, является рискованной для прав других (перев. авт.).
- (4) Статья 5 § 2. Права и гарантии, содержащиеся в настоящей Конституции, не исключают других прав и гарантий, которые вытекают из ее содержания и принципов, в ней закрепленных, или содержатся в международных договорах, участником которых является Федеративная Республика Бразилия; ст. 1228, § 1. Право собственности осуществляется в рамках социальной и экономической функции для того, чтобы охранять в соответствии с положениями специальных законов, флору, фауну (перев. авт.).

- (5) Статья 187. Владелец субъективных прав совершает противоправные действия, если они явно выходят за их пределы, установленные экономической или социальной функциями, а также добросовестностью и нравственностью (перев. авт.).
- (6) Emenda Constitucional Nº 5, de 15 de agosto de 1995; Emenda Constitucional Nº 6, de 15 de agosto de 1995; Emenda Constitucional Nº 7, de 15 de agosto de 1995; Emenda Constitucional Nº 8, de 15 de agosto de 1995; Emenda Constitucional Nº 8, de 09 de novembro de 1995; Lei Nº 9.491, de 9 de setembro de 1997.
- (7) Национальный совет юстиции «Conselho Nacional de Justiça» является высшим конституционным органом, который присматривать за независимостью, прозрачностью и эффективность судебной власти Бразилии. Орган был создан в 2004 г. с 45-й поправкой к Конституции Бразилии, в рамках судебной реформы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Спроганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. — М.: Дрофа, 2002.
- [2] *Aguiar Júnior R.* (org). Jornadas de direito civil I, III, IV e V: Enunciados Aprovados. — Brasília: Conselho da Justiça Federal, Centro de Estudos Judiciários, 2012.
- [3] *Amaral F.* Transformação dos sistemas Positivos: a Descodificação do Direito Civil Brasileiro. — Revista O Direito, ano 129, Lisboa: E.I., 1997.
- [4] Brasil. Código Civil brasileiro. Lei N. 10.406 de 10 de janeiro de 2002.
- [5] Brasil. Conselho Nacional Justiça. URL: <http://www.cnj.jus.br/sobre-o-cnj>.
- [6] Brasil. Constituição da República Federativa do Brasil de 05 de outubro de 1988.
- [7] *Clark G.* et al. Estado regulador: uma (re)definição do modelo brasileiro de políticas públicas econômicas. XVII Encontro Preparatório para o Congresso Nacional do Conpedi, 2008, Salvador. Anais XVII Encontro Preparatório para o Congresso Nacional do Conpedi. — Florianópolis: Fundação Boiteux, 2008.
- [8] *Delgado M.* Os princípios na estrutura do Direito. — Brasília: Revista TST, v.75, 2009.
- [9] *Gadamer H.* Verdade e método. Tradução de Flávio Paulo Meurer (revisão da tradução de Enio Paulo Giachini). 7. ed. — Petrópolis: Vozes, Bragança Paulista: EDUSF, 2005, C. 38–45 // Bonfim V. Gadamer e a experiência hermenêutica. — Revista CEJ, v. 14, n. 49, 2010.
- [10] *Gosson A.* Cláusulas Gerais no Novo Código Civil. — São Paulo: Saraiva, 2004.
- [11] *Habermas J.* Knowledge and Human Interests. — Cambridge: Polity Press, 1987 // Negru T. Gadamer-Habermas debate and universality of hermeneutics // Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology. — 2007. — Issue 7.
- [12] *Hobsbawm E.* A Era dos Extremos. O breve século XX. — São Paulo: Cia. das Letras, 1995.
- [13] *Irti N.* I cinquant'anni del codice civile. — Rivista di Diritto Civile, Padova: Cedam, Parte Prima, 1992 // Velloso A. Mutações paradigmáticas da codificação: do Código Civil de 1916 ao Código Civil de 2002. — Porto Alegre: Revista da Procuradoria-Geral do Estado do Rio Grande do Sul, 2004.
- [14] *Kant I.* Fundamentação da metafísica dos costumes. (trad. Pedro Galvão). — Atlântida, 1960.
- [15] *Martins-Costa J.* Culturalismo e Experiência no novo Código Civil. — Revista dos Tribunais, v. 819, 2004.
- [16] *Martins-Costa J.* O Direito Privado como um «sistema em construção»: as cláusulas gerais no Projeto do Código Civil brasileiro. — Porto Alegre: Revista da Faculdade de Direito da UFRGS, n. 15, 1998.
- [17] *Martins-Costa J.* Reflexões sobre o princípio da função social dos contratos. — Revista de Direito FGV, v. 1, n. 1, 2005.
- [18] *Raiser L.* Die Aufgabe des Privatrechts. 1977 // Xavier, J. A nova dimensão dos contratos no caminho da Pós-modernidade. Tese de Doutorado. UFRGS. — Porto Alegre, 2006.

- [19] *Reale M.* Exposição de Motivos do Projeto de Código Civil. — Subsecretaria de Edições Técnicas do Senado Federal, Brasília, 2005.
- [20] *Reale M.* Visão geral do projeto de Código Civil. URL: <http://orion.ufrgs.br/mestredir/doutrina/reale1.htm>.
- [21] *Reis G.* Dignidade da pessoa humana e constitucionalização do direito civil: origens e riscos metodológicos. — Revista Eletrônica Direito e Política, v. 5, n. 1, Itajaí, 2010.
- [22] *Santos B.* Pela mão de Alice: o social e o político na pós-modernidade. São Paulo: Cortez, 1995 // *Soares R.* Elementos para uma cultura jurídica pós-moderna. — Brasília: Imprensa, 2003.
- [23] *Sarmiento D.* Direitos fundamentais e relações privadas. — 2 ed. — Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2006.
- [24] *Soares R.* Elementos para uma cultura jurídica pós-moderna // Estudos jurídicos em homenagem ao Prof. Gilberto Gomes. — Brasília: Imprensa, 2003.
- [25] *Soares R.* Reflexões sobre o pós-positivismo jurídico // Revista Jurídica dos Formandos em Direito da UFBA. — v. 7, n. 11. — 2007.
- [26] *Stern J.* (org). Thibaut und Savigny. Zum 100 jährigen Gedächtnis des Kampfes um einheitliches bürgerliches Recht für Deutschland. 1814–1914. Die Originalschriften in ursprünglicher Fassung mit Nachträgen, Urteilen der Zeitgenossen und einer Einleitung, [Gebundene Ausgabe]. 1914.
- [27] *Timm L.* As origens do contrato no Novo Código Civil: uma introdução à função social, ao welfarismo e ao solidarismo contractual // The Latin American and Caribbean Journal of Legal Studies. — 2008. — V. 3.
- [28] *Velloso A.* Mutações paradigmáticas da codificação: do Código Civil de 1916 ao Código Civil de 2002. — Porto Alegre: Revista da Procuradoria-Geral do Estado do Rio Grande do Sul, 2004.
- [29] *Wieacker F.* História do direito privado moderno. — 2 ed. — Lisboa: Calouste Gulbenkian, 1993.

CIVIL CODE IN THE XXI CENTURY: A BRAZILIAN OVERVIEW

Costa Lasota Lucas Augusto

The Department of Civil and Labor Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The paper examines the arguments in favor of civil codification in a time characterized by an epistemological crisis of jurisprudence. As an example, it is noted that the Civil Code of Brazil of 2002 is the result of maturation of the concepts supported by doctrine and jurisprudence, including the systematic aperture of the Code's structure, the overcoming of scientific formalism, the adoption of institutional guidelines and principles for the formation of legislation. Considers also the paradigmatic change of ethical base rules of the Civil Code.

Key words: civil law, codification, principles of law, Brazil.

REFERENCES

- [1] *Stroganov A.I.* Latinskaya Amerika v XX veke. — M.: Drofa, 2002.
- [2] *Aguiar Júnior R.* (org). Jornadas de direito civil I, III, IV e V: Enunciados Aprovados. — Brasília: Conselho da Justiça Federal, Centro de Estudos Judiciários, 2012.
- [3] *Amaral F.* Transformação dos sistemas Positivos: a Descodificação do Direito Civil Brasileiro. — Revista O Direito, ano 129, Lisboa: E.I., 1997.
- [4] Brasil. Código Civil brasileiro. Lei N. 10.406 de 10 de janeiro de 2002.
- [5] Brasil. Conselho Nacional Justiça. URL: <http://www.cnj.jus.br/sobre-o-cnj>.
- [6] Brasil. Constituição da República Federativa do Brasil de 05 de outubro de 1988.
- [7] *Clark G.* et al. Estado regulador: uma (re)definição do modelo brasileiro de políticas públicas econômicas. XVII Encontro Preparatório para o Congresso Nacional do Conpedi, 2008, Salvador. Anais XVII Encontro Preparatório para o Congresso Nacional do Conpedi. — Florianópolis: Fundação Boiteux, 2008.
- [8] *Delgado M.* Os princípios na estrutura do Direito. — Brasília: Revista TST, v.75, 2009.
- [9] *Gadamer H.* Verdade e método. Tradução de Flávio Paulo Meurer (revisão da tradução de Enio Paulo Giachini). 7. ed. — Petrópolis: Vozes, Bragança Paulista: EDUSF, 2005, C. 38–45 // Bonfim V. Gadamer e a experiência hermenêutica. — Revista CEJ, v. 14, n. 49, 2010.
- [10] *Gosson A.* Cláusulas Gerais no Novo Código Civil. — São Paulo: Saraiva, 2004.
- [11] *Habermas J.* Knowledge and Human Interests. — Cambridge: Polity Press, 1987 // Negru T. Gadamer-Habermas debate and universality of hermeneutics // Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology. — 2007. — Issue 7.
- [12] *Hobsbawm E.* A Era dos Extremos. O breve século XX. — São Paulo: Cia. das Letras, 1995.
- [13] *Irti N.* I cinquant'anni del codice civile. — Rivista di Diritto Civile, Padova: Cedam, Parte Prima, 1992 // Velloso A. Mutações paradigmáticas da codificação: do Código Civil de 1916 ao Código Civil de 2002. — Porto Alegre: Revista da Procuradoria-Geral do Estado do Rio Grande do Sul, 2004.
- [14] *Kant I.* Fundamentação da metafísica dos costumes. (trad. Pedro Galvão). — Atlântida, 1960.
- [15] *Martins-Costa J.* Culturalismo e Experiência no novo Código Civil. — Revista dos Tribunais, v. 819, 2004.
- [16] *Martins-Costa J.* O Direito Privado como um «sistema em construção»: as cláusulas gerais no Projeto do Código Civil brasileiro. — Porto Alegre: Revista da Faculdade de Direito da UFRGS, n. 15, 1998.
- [17] *Martins-Costa J.* Reflexões sobre o princípio da função social dos contratos. — Revista de Direito FGV, v. 1, n. 1, 2005.
- [18] *Raiser L.* Die Aufgabe des Privatrechts. 1977 // Xavier, J. A nova dimensão dos contratos no caminho da Pós-modernidade. Tese de Doutorado. UFRGS. — Porto Alegre, 2006.
- [19] *Reale M.* Exposição de Motivos do Projeto de Código Civil. — Subsecretaria de Edições Técnicas do Senado Federal, Brasília, 2005.
- [20] *Reale M.* Visão geral do projeto de Código Civil. URL: <http://orion.ufrgs.br/mestredir/doutrina/reale1.htm>.
- [21] *Reis G.* Dignidade da pessoa humana e constitucionalização do direito civil: origens e riscos metodológicos. — Revista Eletrônica Direito e Política, v. 5, n. 1, Itajaí, 2010.
- [22] *Santos B.* Pela mão de Alice: o social e o político na pós-modernidade. São Paulo: Cortez, 1995 // Soares R. Elementos para uma cultura jurídica pós-moderna. — Brasília: Imprensa, 2003.
- [23] *Sarmiento D.* Direitos fundamentais e relações privadas. — 2 ed. — Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2006.
- [24] *Soares R.* Elementos para uma cultura jurídica pós-moderna // Estudos jurídicos em homenagem ao Prof. Gilberto Gomes. — Brasília: Imprensa, 2003.

- [25] *Soares R.* Reflexões sobre o pós-positivismo jurídico // *Revista Jurídica dos Formandos em Direito da UFBA.* — v. 7, n. 11. — 2007.
- [26] *Stern J.* (org). Thibaut und Savigny. Zum 100 jährigen Gedächtnis des Kampfes um einheitliches bürgerliches Recht für Deutschland. 1814–1914. Die Originalschriften in ursprünglicher Fassung mit Nachträgen, Urteilen der Zeitgenossen und einer Einleitung, [Gebundene Ausgabe]. 1914.
- [27] *Timm L.* As origens do contrato no Novo Código Civil: uma introdução à função social, ao welfarismo e ao solidarismo contractual // *The Latin American and Caribbean Journal of Legal Studies.* — 2008. — V. 3.
- [28] *Velloso A.* Mutações paradigmáticas da codificação: do Código Civil de 1916 ao Código Civil de 2002. — Porto Alegre: Revista da Procuradoria-Geral do Estado do Rio Grande do Sul, 2004.
- [29] *Wieacker F.* História do direito privado moderno. — 2 ed. — Lisboa: Calouste Gulbenkian, 1993.